
ФИЛОСОФИЯ: ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

Русская философия во второй половине XX века:
Сб. обзоров и рефератов.
М.: ИНИОН РАН, 1999. - Ч.1. – С.83-100.

99.01.001. АНДРЕЕВА И.С. РЫЦАРЬ ДИАЛЕКТИКИ: ЭВАЛЬД
ВАСИЛЬЕВИЧ ИЛЬЕНКОВ (1924-1979). (Обзор).

Э.В.Ильенков принадлежит первому послевоенному поколению советских философов, вернувшихся с войны. Он начал учебу в МИФЛИ (в 1941 г.), завершил образование после войны в МГУ, где защитил в 1953 г. кандидатскую диссертацию на тему *“Некоторые вопросы материалистической диалектики в работе К.Маркса “К критике политической экономики”*, которая положила начало циклу исследований марксистской диалектики. В 1956 г. он завершил работу над монографией *“Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении”*, которая увидела свет через четыре года после многочисленных обсуждений, внутреннего рецензирования, цензурного вмешательства. В результате были удалены некоторые историко-философские разделы, а также целый ряд фрагментов, трактующих соотношение диалектики и формальной логики. Все это не могло не отразиться на содержании книги, что, естественно, сказалось и на ее названии (6). В полном виде данная работа вышла в свет в 1997 г. в серии *“Философы России XX в.”* (7).

Э.В.Ильенков не случайно обратился к диалектике абстрактного и конкретного. Весь его труд был направлен на опровержение «абстрактного» марксизма и защиту подлинного, «живого» марксизма, фундаментом которого был *“Капитал”* Маркса.

Мировоззрение Ильенкова сложилось на базе противоречий современного ему общества из исторической драмы России, порожденной социалистической перспективой. Он разрушает официозные интерпретации романов Ф.М.Достоевского, антиутопий Дж.Оруэлла, О.Хаксли, публициста А.Кестлера. Фрагмент подготовительных материалов к статье о Достоевском, сохранившийся в

архиве философа, гласит: “...когда Ленин говорил, что “Россия выстрадала марксизм”, то Достоевский - одна из фракций этого спектра страданий (“ад интеллектуальный”)... Достоевский тоже зеркало русской революции - и именно со стороны ее трагичности, связанной с участием тех сил, которые... в социализм были втянуты помимо своей воли... “Страдания” - без них ничего нельзя выстрадать. Но очень легко само страдание превращается в культ: “Этика горячего сердца”. Конечно же, это нелегкое дело вспоминать о высших принципах гуманизма в момент штыковой атаки. Достоевский поэтому жив до тех пор, пока социализм будет связан с насилием, с кровью, со страданием” (19, с.6-7).

А.Т.Новохатько видит здесь попытку прочесть Достоевского «в платоновско-гегелевском духе, т.е. сознательно-диалектически высветить... тайну - целеполагания и целеосуществления”, показать разрыв между «этикой горячего сердца» и по-гегелевски беспощадной логикой развития пореформенной России (19, с.7).

Многие сомневаются, что Ильенков действительно верил в то, что он писал о социализме. Но Ильенков никогда не был ни лицемером, ни “флюгером гибким у вертлявой суеты”. Он вернулся победителем с жесточайшей войны, и вера (сродни религиозной) в то, что Россия (да и весь мир) выстрадала более достойное для своей истории будущее, грела не только его. Поэтому его стремление внести свой вклад в это будущее было оправданным.

М.А.Лифшиц - один из столпов ортодоксального марксизма - в статье, посвященной памяти Э.В.Ильенкова, подчеркивал, что слово и дело не расходились у него, как часто бывает “у нотариально заверенных марксистов”, что он честно участвовал в процессе, который был, по Ленину, “продолжением дела Гегеля и Маркса” (16, с.8). Ильенков представляется ему наследником дум “человека тридцатых годов” (так он с гордостью называл себя самого и своих товарищей) (15, с.189-312).

М.А.Лифшиц был образованнейшим человеком, мыслящим марксистом, он ввел в научный оборот сочинения молодого Маркса, он пользовался авторитетом среди «мифлийцев» в конце 30-х годов и у послевоенного поколения молодых философов. Но, как и многие “люди тридцатых годов”, он был апологетом “революционного” переворота в философии, который совершил К.Маркс. Нетерпимость “людей тридцатых годов”, деспотически навязывающих единственный, именно свой собственный путь к истине, была почвой для формирования официального и в конечном счете догматического марксизма, обслуживающего идеологию тоталитаризма.

М.А.Лифшиц внес в этот процесс свой вклад, нетерпимость уже тогда не была ему чуждой, а в конце 50-60-х годов он предстал воинствующим догматиком, единственным носителем истины. Э.В.Ильенков не был его наследником, хотя бы потому, что чурался догматизма. Его учителем и наставником в МГУ был проф. Б.С.Чернышев, который в курсе лекций по логике Гегеля не спешил, как это было принято в то время, при изложении положительного содержания диалектики ставить многозначительное “но...”, “после которого следует обычное, что Гегель “был идеалист” и потому его диалектика приходит в противоречие с идеалистической системой” (16, с.4). Благодарный ученик проф. Чернышева увидел в марксизме историческое и логическое продолжение великой философской традиции.

Э.В.Ильенков никогда не был духовной опорой режима. С самого начала он видел разрыв между целеполаганием и целеосуществлением, разрыв, который постоянно демонстрировала жизнь страны. Он не мог не обратиться к решению проблем мировоззрения и, значит, целеполагания, чуждого догматизму, идеологическим извращениям и конъюнктуре. Э.В.Ильенков стремился создать систему аутентичного марксизма как научной теории развития общества. В этом плане его труд несет неприкрытый полемический заряд. Ему потребовалось обратиться к истории проблемы, чтобы показать необходимое конкретное содержательное движение понятий в истории философии. Сосредоточив особое внимание на разработке понятий абстрактного и конкретного в истории философии, особенно в учениях Спинозы и Гегеля, он исследовал их развитие в богатстве конкретных взаимосвязей, впоследствии усвоенных Марксом.

Не случайно Э.В.Ильенкова обвиняли в гегельянстве, например Я.А.Кронрод (7, с.417), что в наши дни расценивается не как хула, а скорее как похвала. Но если бы историческая часть исследования Э.В.Ильенкова была включена в первое издание книги, его могли бы обвинить и в спинозизме: он высоко ценил этого мыслителя. Спинозовское определение мышления как «способности тела строить траекторию своего движения среди других тел по логике и расположению этих тел в пространстве вне этого тела» Ильенков считал современным материалистическим определением. Он видел “прямую связь между спинозовским определением мышления и педагогической практикой советских психологов и педагогов И.А.Соколянского и А.И.Мещерякова, посвятивших себя формированию психики у

слепоглухонемых детей: детей учат сначала целесообразной человеческой деятельности, человеческому поведению, т.е. строить “траекторию” своего движения по логике и расположению тел в пространстве, а уже потом всему остальному” (17, с.57).

Ильенков разделял мысль Спинозы о мышлении как предметной деятельности. Эта мысль об активности - принцип деятельности - стала затем одной из главных проблем немецкой классики. Более того, он выделял у Спинозы положение о том, что человеческое мышление “скроено не по мерке индивидуального самосознания, а ориентируется на теоретическое самосознание человека, на духовно-теоретическую культуру в целом”; только развитие разумного познания, взятое во всем его объеме, вырабатывает понятия, согласующиеся с природой вещей; “Спиноза категорически утверждает этот взгляд аналогией с процессом усовершенствования орудий материального труда” (19, с.389).

Гегель, самой логикой вещей обратившийся к вопросу о соотношении теоретической абстракции с чувственно данной реальностью, во-первых, отметил зависимость абстрагирующей деятельности субъекта от практического отношения человека к миру вещей, а во-вторых, “развенчал антикварное почтение к абстрактному” (7, с.35) (что Ильенков демонстрирует весьма подробно, например, пересказывая работу Гегеля “*Кто мыслит абстрактно?*”), которое теряет свою таинственность. Абстракция предстает высшей формой обыденного мышления, зависимого от условий чувственно данного материала как продукта развития совокупного общественно-исторического субъекта, хотя дух способен конструировать абстрактные имена до того и независимо от того, когда человек овладевает предметным миром. Но абстрактное, по Гегелю, подчеркивает Ильенков, никогда не выражает в своих определениях всю полноту чувственно созерцаемой действительности, ибо понятие-слово всегда абстрактно. И вся «хитрость» состоит в том, чтобы мыслить конкретно, выражая через абстракции конкретную, специфическую природу вещей. Это - “единство в многообразии, мысленное выражение органической связи, сращенности отдельных абстрактных определенностей предмета... Подлинное понятие не только абстрактно, но и конкретно... его определения сочетаются в нем в единый комплекс, выражающий единство вещей, а не просто соединяются по правилам грамматики” (7, с.396-397).

Маркс вслед за Гегелем в противовес формальной логике определял конкретное как единство многообразного, предполагая

диалектическое понимание категорий единого и многого, выражающих объективную взаимосвязь всех необходимых сторон реального предмета. Это - “объективная характеристика объективной реальности” (7, с.20), независимая от того, познается ли она мышлением или воспринимается органами чувств. Теория мышления, подчеркивал Э.В.Ильенков, полностью совпадает с материалистической диалектикой. В 50-е годы это казалось отступлением от ортодоксии. Неудивительно, что тезисы о предмете философии, представленные ученому совету философского факультета МГУ в 1955 г. Ильенковым и его товарищем В.И.Коровиковым, в которых доказывалось, что “нет ни истмата, ни диамата, а есть материалистическая диалектика как логика мышления и деятельности и как материалистическое понимание истории” (17, с.6), послужили началом двухгодичного скандала, в результате которого Ильенкову пришлось покинуть МГУ и уйти в Институт философии АН СССР, а Коровикову вообще распрощаться с философией (13, с.65-68).

Конечно, Ильенков не забывал марксистскую аксиому о первичности материи и вторичности сознания. Но он понимал, что не дело философии охватывать собой все материальное бытие и конкурировать с науками о природе, не ее дело ограничивать себя натурфилософией (в том числе и в истматовской онтологии). Именно мышление, а точнее - его категории суть формы самой реальности, они - объективные формы субъективной человеческой деятельности. Поэтому главная задача, которую поставил перед собой Э.В.Ильенков, - разработка диалектических принципов научного мышления в рамках определения конкретности и истинности понятий.

Решение задачи осложнялось тем, что его надо было проводить в рамках марксистского учения. Маркс, как известно, не оставил логики как систематического развернутой науки о процессе мышления, но он оставил логику “*Капитала*”. Поэтому не экономическое содержание, а метод К.Маркса, логика его мышления стали основой исследований Ильенкова.

В анализе природы понятия интересы диалектической логики, подчеркивает Ильенков, «непосредственно пересекаются с интересами логики формальной. Квалификация того или иного понятия как абстрактного или конкретного с точки зрения диалектики будет обратной квалификации, принятой в учебно-педагогической литературе по формальной логике» (7, с.402). Анализируя литературу по логике тех лет (Н.И.Кондаков, М.С.Строгович, В.Ф.Асмус, Г.И.Челпанов), Ильенков подчеркивает невнимание к определению различий между понятием и

термином, при котором “иметь определенное существование” и «иметь определенное существование в непосредственном сознании индивида» (т.е. в созерцании и представлении) неразличимы. Если очистить мысль о вещи от всех мыслей о свойствах этой вещи, то от мысли не останется ничего, кроме названия, «имени, условного знака-символа, за которым нелепо искать какого-либо иного содержания, кроме известного сходства рядов чувственных впечатлений, кроме общего в опыте»; в пределе такой взгляд приводит к тому, что логические категории “растворяются в психологических и лингвистически грамматических категориях” (7, с.386).

Таковы, подчеркивает Ильенков, антидиалектические взгляды Дж.Ст.Милля в понимании абстрактного и конкретного как логических категорий: конкретное для него - символ для обозначения единичной вещи, абстрактное же - символ, который не может быть использован в качестве непосредственного имени для единичной вещи. То же самое различие сохраняет и весь неопозитивизм, в котором абстрактное и конкретное превращаются в лингвистические категории, используемые при построении “языковых каркасов”. Ильенков утверждает, что подобное использование терминов означает разрыв с тысячелетней философской традицией и “может быть расценено только как антикварный курьез” (7, с.402). Неудивительно, что полемика с формально-логическими и неопозитивистскими принципами вызвала противодействие рецензентов-приверженцев “чистой” логики и сциентистской методологии.

Различая научное понятие и термин, Ильенков опирается на Гегеля. Понятие - не термин, не отдельное слово, не символ. “Оно существует только в процессе его раскрытия через суждение, через умозаключение, выражающее связь отдельных определений в целостной развернутой теории” (7, с.307). Понятие выражает суть дела только через систему определений, раскрывающих моменты, свойства, качества, отношения единичного предмета, соединенные логической связью и скрепленные в формальный комплекс. Оно отражает не всякое, не любое общее, а только *существенное* общее, существенную характеристику предмета. Формальная логика, глухая к такому пониманию понятия, соскальзывает на рельсы номиналистического взгляда. “В этом случае любой термин начинает казаться “понятием”, а любое понятие определяется просто как общий термин” (7, с.75); при таком подходе исследуются общие формы мысли, безразличные и конкретному содержанию. Такая логика - не наука о мышлении, а наука о

грамматической структуре речи, языка. Диалектическая же логика призвана проникнуть в законы и формы реального знания, в законы и формы диалектики его предметного содержания, превращенные в активные формы и законы мышления.

Конечно, каждое понятие реализуется через термин, каждое теоретическое суждение - через высказывание. Но не всякий термин включает в себе понятие и не всякое высказывание реализует в себе акт мышления в понятиях. В элементарной логике, однако, понятие в основном совпадает с общим термином, обнимающим общее и существенное общее. Речь идет здесь о форме выражения мышления в речи, что является предпосылкой и условием мышления, отражающего действительность в понятиях. Такое мышление возникает лишь тогда, когда человек отделяет все внешнее и несущественное, “выдвигает предмет в его сущности” (7, с.79). “Серьезная философия, - пишет Э.В.Ильенков, - всегда старалась провести четкую объективную грань между понятием и абстракцией, заключенной в любом слове” (там же, с.80).

В понятии конкретного в этом отношении выражается взаимосвязь и взаимообусловленность массы единичных явлений, а не абстрактно-отвлеченное тождество и незыблемое единство. Это взаимодействие предполагает выявление природы предмета только через его взаимодействие с другим: “Одно существует как таковое именно потому и в силу того, что ему противостоит “другое”, и именно его другое, конкретное “другое”, его собственная противоположность - предмет, все “определения”, все “признаки” которого как раз полярно противоположны” (7, с.134), но и вне их взаимной связи не поддаются определенности. “Конкретный” предмет в его многообразии выступает как “орган” взаимодействия сторон и предметов, образующих данную систему взаимодействия.

Э.В.Ильенков был антиподом позитивистскому мышлению и потому, что оно, антидиалектическое по сущности, выводило за пределы науки нравственно-практическую, субстанциальную основу человеческой жизни. Ильенков отвергал не только методологические принципы позитивизма; он считал позитивизм теоретическим оправданием безнравственности (16, с.56).

Диалектика предполагает, что каждая вещь своим “единичным” отношением к другой вещи выражает движение некоторой более обширной сферы взаимодействия. Основной формулой диалектики является конкретное тождество противоположностей, “единство

взаимоисключающих и тем самым взаимопредполагающих определений” (7, с.140). Поэтому сознание, отражающее единичный, пусть даже неоднократно повторяющийся факт, но не улавливающее его необходимой связи с другими такими же фактами, есть сознание крайне абстрактное - даже в том случае, если оно наглядно и чувственно представимо. В этой связи Э.В.Ильенков, не называя имен и не указывая на концепции, недвусмысленно отвергает тошную, бедную определениями “мысль”, иллюстрирующую “наглядными примерами убогую абстракцию, создающую лишь видимость конкретного рассмотрения” (там же, с.156).

Конкретное рассмотрение, считает Ильенков, не оставляет в стороне все обстоятельства, не вытекающие из имманентных законов данного явления; оно привлекает их к анализу. В конечном итоге результат достигается в развернутой системе науки, в теории в целом. Эклектик же - любитель порассуждать на тему о том, что всякая односторонность вредна, что «всегда нужно учитывать и то, и это, и пятое и десятое, что нужен “всесторонний” учет любой мелочи», и он изображает эти мелочи в таких размерах, что они начинают заслонять главное. “При этом он имеет в виду не только и не столько задачу применения теории научного коммунизма к анализу отдельных, быстро меняющихся обстоятельств, событий и ситуаций, где действительно “мелочь” может сыграть свою роль, сколько саму теорию” (7, с.165). Э.В.Ильенков ведет здесь речь о догматическом марксизме. Но догматизм, заключает он, “вовсе не есть довод к пересмотру самой теории” (там же, с.166). Он не устает подчеркивать, что “конкретность” теории совпадает с понятием системы взаимодействия всех сторон предмета, понимаемого как единое развивающееся целое. В конечном счете действительное понятие существует только в системе понятий, а “вне системы превращается в пустую абстракцию, в простой термин, в название, в слово” (там же, с.188).

В разработке логико-диалектической теории мышления за Ильенковым сохраняется приоритет исследования таких всеобщих аспектов развития научного знания, как принцип противоречия в мышлении, соотношение абстрактного и конкретного в познании, диалектика исторического и логического. Но Ильенков был не только “чистым” теоретиком сущности и форм диалектического мышления, он уделял большое внимание анализу культурно-исторического развития человека, становления и развития его личности, исследованию значения творческого начала в индивидуальном развитии человека. Опираясь на

спиновское понимание человеческой души как идеи человеческого тела, как способа существования мыслящего тела, углубляя понятие материи до понятия субстанции, мы тем самым, считал он, прокладываем путь от материального к идеальному. Идея мыслящего тела полностью совпадает здесь со способом его бытия в деятельности “мыслящего тела”.

Оригинальная концепция развития личности полагает фундаментальную роль понятия идеального как разумной формы мыслящей активности индивида, как способности строить свою деятельность в согласии и в перспективе изменения любого другого индивида в ходе развития человеческой культуры. Основание бытия человека заключено в способности действовать в идеальном плане, т.е. осваивать всеобщую меру бытия вещей. Тайна творчества, по Ильенкову, связана с природой идеи, с природой идеального. Идеи - не предельные абстракции нашего рассудка, а нормы, своего рода образцы бытия, придающие смысл нашей же активности, как внутренней, так и внешней. Поэтому творчество только в той мере есть открытие вечности и свободы, в какой оно содействует обретению идеальности и объективного смысла. Создание рук человеческих должно соответствовать своему предназначению, иметь этическую и эстетическую значимость. Поэтому культура как себестождественность бытия причастна высшим измерениям действительности. Иначе она гибнет. “Идея всегда должна быть недосгаемо выше, чем возможность ее исполнения - так понял Гегеля Достоевский. Так понимал и Ильенков” (19, с.10).

Культуру спасает от гибели лишь причастность высшим измерениям действительности. Все, что есть в жизни истинного и великого, выражается в идеях, вводящих нас в реальность, генерирующую через нас смысл нашей же активности. Наука и искусство относятся к высшим сферам творчества именно потому, что выявляемые ими идеи и ценности суть всеобщие характеристики и атрибуты высшей и единой реальности, высвеченной человеческим усилием.

Э.В.Ильенкову принадлежит оригинальная концепция идеала (10, с.44-152). Он отвергает религиозное представление об абсолютном идеале, выдающем “наличное бытие человека за идеал, за предел, за верх возможного совершенства” (там же, с.115), высоко оценивает “земной” возрожденческий идеал, выражающий естественные потребности природы человека, согласен с Сен-Симоном, что идеал “нельзя задать человеку как готовый чертеж, как икону, и эталоны надо мерить мерой совершенства живого человека, постоянно развертывающего свои

возможности” (цит. по: с.123). Ильенков не принимает кантовское учение об идеале как своего рода недостижимой направленности к совершенству, которая подобна отступающей линии горизонта. Ему близок тезис Гегеля о внутренне противоречивом развитии культуры, осуществляющемся в деятельности. Идеал находится не “там”, где-то впереди, а “здесь” в диалектически противоречивой деятельности людей; он - та сила, которая рождает прогресс человеческого рода. «Поэтому любое данное состояние есть этап реализации высшего идеала» (8, с.153).

Но Гегель считал, что идеал как образ высшего совершенства достижим для человека только в мышлении. “Маркс обратил свой трезвый взор к земле и увидел, что люди не гонятся за синими птицами идеала, а вынуждены вести ежедневную тяжкую борьбу за хлеб...” (8, с.163). Маркс был наиболее последовательным защитником не иллюзорных идеалов-идолов, а идеалов подлинно гуманистических. Ильенков отвергает обвинения марксизма в утопизме: идея коммунизма согласовывалась с личными идеалами Маркса. Он создал учение, призванное преодолеть социальное отчуждение, создаваемое движением частной собственности. Коммунизм для Маркса был “не идеал, с которым должна соотноситься действительность, а действительное движение, призванное уничтожить теперешнее состояние” (там же, с.171).

Анализ марксистской концепции идеала Э.В.Ильенков сосредоточивает на проблеме отчуждения человека. Он подчеркивает, что: 1) капиталистическое производство превращает человека в “винтик”, в “частичную деталь машины”; в этом обществе значительная доля богатства летит на ветер; разбазаривание человеческой деятельности проходит через застои, кризисы, войны, через создание враждебных человеку вещей (ядерные бомбы, комиксы, наркотики и др.); 2) в этом обществе разделение труда ведет к профессиональному кретинизму (особенно, когда профессией становится политика), поскольку профессия становится частной собственностью на определенные способности.

Коммунизм противопоставляет капиталистическому обществу новую систему общественных отношений и новые способы разделения труда. Коммунистический идеал - гармонически развитая личность, когда каждый человек развивает всеобщие (универсальные) способности. Именно “коммунизм... - пишет Э.В.Ильенков, - единственная теоретическая доктрина, предусматривающая ликвидацию пресловутого отчуждения... Тотальное, т.е. всестороннее, развитие индивида - не идеал в смысле Канта, а принцип разрешения сегодняшних противоречий...” (8,

с.183-184). Э.В.Ильенков признавал движение общества к коммунизму. Он принимал коммунизм не только как доктрину, но и как реальность, которая создается в стране, хотя “понимал, что процесс этот осуществляется... в чудовишно извращенных формах” (17, с.70).

В понимании Э.В.Ильенкова коммунистическая идея выстрадана человечеством, за ней стоит великая историческая традиция от Платона до Маркса, и сам исторический процесс движется в этом направлении, несмотря на драмы грубого коммунизма, отрицающего частную собственность. Такой коммунизм верно сознает свою ближайшую цель, но “сочетается с иллюзией, будто бы эта чисто негативная акция и есть “позитивное разрешение” всех проблем современной цивилизации” (12, с.162). Отчуждение человека от действительного богатства, накопленного человечеством, не ликвидируется простым юридическим обобществлением вещного богатства. Превращение частной собственности в государственную в определенном отношении углубляет отчуждение общества от индивида; собственность должна превратиться в собственность каждого индивида. В разнообразии коммунистических идей необходимо выделять ту, которая исследует, как из развития капитализма, крупного производства, высокого уровня культуры и т.п. имманентно вырастает подлинный социализм.

Ильенков стремился служить будущему не только словом, но и делом. Поэтому в диалектическом мышлении, писал он, понятие образуется путем исследования всеобщего взаимодействия на пути рассмотрения системы отношений человека к человеку и человека к природе. Таким образом, вопрос о всеобщности понятий переносится в сферу исследования реального процесса развития. Так, не “понятие” человека как существа, производящего орудия труда, “заключает в себе” понятие остальных особенностей человека, а реальный факт производства орудий труда и заключает в себе “необходимость их возникновения и развития” (7, с.116). Чтобы определить истинность всеобщих, внутренне необходимых свойств вещи, выраженных в понятиях, необходимо обратиться к практике. Ильенков видел предпосылку диалектического мышления в целостной эволюции человеческого сознания, что выражается в возникновении самосознания и системы форм общественного выражения чувственно данного мира, в формировании идеальной сферы общественного сознания в связи с процессом развития общественного бытия человечества. Размышляя о будущем, он усматривал его зависимость от двух фундаментальных наук - политической экономии и педагогики. В развитие первой из них он

стремился внести вклад в своем фундаментальном труде *“Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении”*. Что касается педагогики, то здесь Ильенков отстаивал взгляд классической философской традиции, согласно которому педагогический процесс есть создание субъекта деятельности. Обучение и воспитание - это не тренировка памяти, а процесс воспитания ума, формирования способности мыслить. Ильенков внес неоценимый вклад в решение этой проблемы.

Он был замечательным, от Бога, Учителем, наставником и, можно сказать, даже проповедником. Множество студентов философского факультета МГУ, у которых он вел семинары-беседы, аналогичные сократовским, на долгие годы сохранили верность диалектике. На рубеже 50-60-х годов в доме Ильенкова собирался “философский кружок” молодых гуманитариев (среди них были философы А.А.Зиновьев, Ю.Н.Давыдов, Л.Пажитнов, Б.Шрагин, Ю.Карякин, литературоведы В.В.Кожин, П.П.Палиевский, Г.Гачев и др.), обсуждавших актуальные философские проблемы и осуждавших господствующую идеологию (22, с.61). И хотя впоследствии пути этих людей далеко разошлись (многие стали даже антагонистами), осталось главное: почитание философии, уважение к Э.В.Ильенкову. На панихиде по Э.В.Ильенкову В.Библер сказал, что “вся советская философия вышла из квартиры Эвальда Ильенкова в поезде МХАТа” (там же, с.62).

Э.В.Ильенков стремился дать теоретическое обоснование уникальному методу И.А.Соколянского и А.И.Мещерякова, приобщавшего в Загорском интернате слепоглухонемых детей к социальной и даже интеллектуальной жизни; он принял горячее участие в их судьбе, сохранив до конца дней своих дружбу с некоторыми из тех, кто сумел получить высшее образование на психологическом факультете МГУ (17, с.88-99).

Казалось бы, философ, защищавший идею поступательного движения человечества к справедливому общественному строю, к гармоническому развитию личности, должен был бы быть оптимистом. Но С.Мареев утверждает, что Ильенков часто думал о смерти, и мысль о преходящем характере земного бытия угнетала его. Более того, мысли, высказанные в посмертно опубликованной в журнале *“Наука и религия”* статье *“Космология духа”*, пророчили трагическую судьбу для всего человечества. По свидетельству друзей, статья написана в конце 50-х годов (16, с.128; 12, с.459), но по духу она, скорее, ближе к закатным дням Э.В.Ильенкова. В этой статье он вслед за Спинозой утверждает: “...

в материи в целом развитие в каждый конкретный момент времени актуально завершено... Взятая в целом материя не развивается... Это не отрицает... что в каждой конечной сфере ее существования постоянно происходит действительное диалектическое развитие. Но то, что верно по отношению к каждой “конечной” части материи, то неверно по отношению к материи в целом, к материи, понимаемой как субстанция” (12, с.415-416). Всякая “конечная” форма существования имеет свое начало и свой конец. Материя развивается по кругу, который завершается в высшей форме мировой материи - разуме, мышлении. Замкнувшись на самой простой форме, на “нижнем” пределе материи, высшая ее форма способна не только сопротивляться энтропии, но и использовать энергию, излучаемую солнцем, чтобы вернуть остывающую материю в ее первоначальное огненное состояние. “Реально это можно представить себе так: в какой-то, очень высокой, точке своего развития мыслящие существа, исполняя свой космологический долг и жертвуя собой, производят сознательную мировую катастрофу, вызывая процесс, обратный “тепловому умиранию” космической материи... ведущий к возрождению умирающих миров в виде космического облака раскаленного газа и пара” (12, с.433).

Своей статье Э.В.Ильенков дал подзаголовок *“Философско-поэтическая фантасмагория, опирающаяся на принципы диалектического материализма”*. Космонавт В.И.Севастьянов в послесловии к публикации принял за чистую монету то, что диалектический материализм согласуется с концом “человеческой комедии” (21). И в самом деле: есть ведь технические возможности уничтожения жизни на Земле, да и самой Земли, хотя до уничтожения Вселенной дело пока не дошло. Но если человек создан только для того, чтобы “омолодить” Вселенную собственной гибелью, то он с его мышлением - вовсе не атрибут субстанции, а модус, т.е. его вообще не могло бы быть. Рассуждения о неизбежности самоуничтожения человечества опасны. Они ограничивают творческие потенции человека: ожидание страшного конца обесмысливает усилия по преобразованию земного бытия.

К счастью, имеются и альтернативы такому взгляду. Так, антропный принцип, утвердившийся в современной космологии, исходит из того, что необходимость появления человека была заложена в условиях “Большого взрыва”, сотворившего Вселенную. В отличие от спинозовского гилозоизма сегодня принимается, что мир, природа, жизнь идут вперед, отвоевывая новые рубежи у косной материи (1, с.106-116).

Русские космисты (Н.Федоров, Э.Циолковский, В.Вернадский) видели космическую ответственность духа в преобразении человечества и Космоса, в обретении человеком бессмертия, а Космосом - совершенства (4, с.297-302; 14, с.169-180).

Осознание предопределенности трагического финала человечества парализует волю в критической ситуации. С.Мареев объясняет спинозизм Э.В.Ильенкова божественным и богоборческим началом в его мироощущении: Ильенков “штурмовал небо”(17, с.35). Он утверждал, что “жизнь и смерть - медицинский факт, не более того” (4, с.300). Возможно, мысль о неизбежном конце человечества сыграла свою роль в трагическом конце мыслителя.

Каков вклад Э.В.Ильенкова в отечественную философию второй половины XX в.? Он восстановил значение классической традиции в истории диалектики, связанной прежде всего с именами Платона и Гегеля. Он создал убедительную картину аутентичного, конкретного, живого марксизма, выхолощенного и препарированного как сталинскими “диаматчиками”, так и антимарксистами. Не случайно его первая статья в журнале *«Вопросы философии»* (11) способствовала сплочению вокруг него группы единомышленников не только у нас в стране, но и за рубежом. Впоследствии в Москве, Алма-Ате, Киеве, Ростове-на-Дону, Свердловске и других научных центрах страны сложились многочисленные группы и даже школы его сторонников, приверженцев диалектики и исторического подхода к марксизму.

Почему уже первая работа Ильенкова вызвала столь большой интерес среди советских и зарубежных ученых? Молодые философы, вернувшиеся к науке после войны, возвращенные на скудной почве догматического марксизма, после всемирно-исторического катаклизма второй мировой войны остались верными учению, которое одержало не только военную, но и мировоззренческую победу и над нацизмом, и над так называемой буржуазной идеологией. Тот плоский марксизм, который насаждался в философии и идеологии, не был способен объяснить то, что произошло в те годы, а уж тем более то, что могло случиться и произошло потом: ведь поступательное развитие человечества, его светлое завтра связывалось с торжеством марксистского учения - не наличного, плоского и абстрактного, но аутентичного, богатого в его конкретном содержании.

Не случайно также, что первая статья Ильенкова была опубликована в Италии в журнале *“Экономическая критика”* по инициативе Общества итало-советской дружбы. В послевоенной Европе

авторитет марксизма был весьма высок, в первую очередь в сильном коммунистическом движении. В письме руководству журнала *“Вопросы философии”* секретарь итальянского Общества культурных связей с СССР У.Черрони, отмечая, что статья Ильенкова вызвала интерес у итальянских философов, попросил предоставить другие его работы, ибо “желание вступить в непосредственную переписку с Ильенковым выразили ряд итальянских марксистов...” (20, с.3). Основной труд Ильенкова (6) был издан в Италии (1961), в Японии (1969), частично в Германии (1969).

Прошли годы. В середине 70-х годов обозначился кризис западного марксизма. В духовной жизни нашей страны возобладал застой. На Западе восторжествовали неопозитивистские философские концепции, ограничившие предмет философии методологией научного знания, в которой человек выступал как гносеологический субъект или как объект гносеологии. Вся морально-аксиологическая и сущностная проблематика выводилась за пределы философии. Но диалектика в ее истории и в разработке конкретных проблем сохранила свои позиции. Интерес к работам Э.В.Ильенкова не угас. В 1975 г. его основная работа была опубликована в Югославии, частями - в Мексике и во Франции. В 1976 г. она была опубликована в неусеченном виде в Германии, в 1994 г. появился сборник его статей, посвященных проблеме идеального (24). В 1991 г. в США было опубликовано исследование Д.Бакхарста *“Сознание и революция в советской философии: От большевиков к Эвальду Ильенкову”* (23). Правда, хотя автор понимает значение Ильенкова для отечественной мысли, взгляды его излагает неадекватно (17, с.101-102).

Сегодня в нашем отечестве, похоже, выбросили марксизм на свалку. Многие наши “мудрецы” стыдятся своего марксизма, упрекают своих коллег в марксизме, извиняют Э.В.Ильенкова за “эмоциональные перехлесты” в рассуждениях о социализме. Но социализм выдумал не Маркс, и не один только Э.В.Ильенков и не только советские философы видели в нем будущее человечества. Можно сослаться, к примеру, на трактат *“Конец нового времени”* кардинала Р.Гвардини (горячо, кстати, любившего и понимавшего Достоевского), опубликованный им примерно в те же годы, когда Э.В.Ильенков развивал свою концепцию диалектики абстрактного и конкретного. Гвардини, вынужденный нацистами перебраться во Францию, имел возможность рассуждать о тоталитаризме. Но тоталитаризму он противопоставлял вовсе не индивидуализм, ибо понимал, что в XX в. «перед человечеством встала задача, которая не может быть решена путем индивидуальной

инициативы... Она потребует концентрации сил и единства действий, обеспечиваемых совершенно иной человеческой формацией. Это та самая формация, которая проявляется в легкости, с какой человек наступающей эпохи... отказывается от индивидуальной инициативы и включается в общий порядок... Это - чувство товарищества как знамение будущего. Это - товарищество по грядущему человеческому делу и по грядущей человеческой опасности. Если это товарищество будет осмыслено, исходя из личности, оно станет великим позитивным началом» (3, с.200-201). Гвардини не употребляет слово «социализм», но его мысль о преодолении индивидуализма и тоталитарного коллективизма добровольным соединением личностей в товариществе родственна неортодоксальной мысли Ильенкова, в частности его утверждению о смягчающем влиянии социализма на растущее отчуждение при капитализме.

Можно сослаться также на Лосева, не принимавшего миф о советском социализме, как и буржуазный индивидуализм: "Социализм, - пояснял он в одной из бесед... - стоит на очереди после индивидуализма. Что противоположно индивидуализму? Коллективизм. Конечно, такой коллективизм, который не подавляет личность, а помогает ей развиваться... Великая культура последних пятисот лет... проходит. Теперь наступает новая эпоха" (18, с.67). Имя этой новой общности - "соборность" - дали русские философы конца XIX - начала XX в. Свой вклад в соборное дело человечества внес и Э.В.Ильенков. "С идеями нельзя расправиться ни пушками, ни бранными словами... - писал он. - Неудачные практические опыты реализации идей еще вовсе не довод против самих этих идей... Покажите, каким образом можно удовлетворить ту напряженную потребность, которая высказывает себя в виде этих идей. Тогда... исчезнут антипатичные вам идеи" (12, с.160).

Список литературы

1. *Балашов Ю.В.* Наблюдатель в космологии: дискуссии вокруг антропного принципа//Проблемы гуманизации математического и естественно-научного знания. - М., 1991. - С.80-119.
2. *Бычков С.* Эвальд Ильенков: Талант философа//Диалог. - М., 1994. - N 7. - С. 33-40.
3. *Гвардини Р.* Конец нового времени//Вопр. философии. - М., 1990. - N 4. - С. 151-169.
4. *Гулыга А.В.* Русская идея и ее творцы. - М., 1995. - 308 с.
5. *Давыдов В.В.* Вклад Ильенкова в теоретическую психологию//Вопр. психологии. - М., 1994. - N 1. - С.45-54.

-
6. Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в “*Капитале*” К.Маркса. - М., 1960. - 285 с.
 7. Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. - М., 1997. - 464 с.
 8. Ильенков Э.В. Искусство и коммунистический идеал. - М., 1984. - 348 с.
 9. Ильенков Э.В. Космология духа//Наука и религия. - М., 1988. - N 8. - С.4-7; N 9. - С.4-8.
 10. Ильенков Э.В. Об идолах и идеалах. - М., 1968. - 319 с.
 11. Ильенков Э.В. О диалектике абстрактного и конкретного в научно-теоретическом познании//Вопр. философии. - М., 1955. - N 1. - С.42-56.
 12. Ильенков Э.В. Философия и культура. - М., 1991. - 463 с.
 13. Коровиков В.И. Начало и первый погром//Вопр. философии. - М., 1990. - N 2. - С. 65-68.
 14. Куракина О.Д. Человек в естественнонаучной картине мира русского космизма//Проблемы гуманитаризации математического и естественно-научного знания. - М., 1991. - С.155-182.
 15. Лифшиц М.А. В мире эстетики. - М., 1985. - 318 с.
 16. Лифшиц М. Памяти Эвальда Ильенкова//Ильенков Э.В. Искусство и коммунистический идеал. - М., 1984. - С. 3-7.
 17. Мареев С. Встреча с философом Э. Ильенковым. - М., 1994. - 137 с.
 18. Лосев А.Ф. Страсть к диалектике. - М., 1990. - 319 с.
 19. Новохатько А.Т. Об Э.В.Ильенкове//Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. - М., 1997. - С. 3-10.
 20. Новохатько А.Т. Феномен Ильенкова//Ильенков Э.В. Философия и культура. - М., 1991. - С.3-16.
 21. Севастьянов В.И. Послесловие к статье Э.В.Ильенкова “*Космология духа*”//Наука и религия. - М., 1988. - N 9. - С.9.
 20. Фролов А.К. Восхождение к конкретному//Коммунист. - М., 1989. - N 10. - С. 59-69.
 21. Bakhurst D. Consciouness and revolution in Soviet philosophy: From the bolsheviks to Evald Ilyenkov. - N.Y., 1991. - 221 p.
 22. Il'enkov E.V. Dialektik des Idealles: Ausgewaehlte Aufsaeetze. - Münster, 1994. - 110 S.